Галин Тиханов

МНОГООБРАЗИЕ ПОНЕВОЛЕ, ИЛИ НЕСХОЖИЕ ЖИЗНИ ГУСТАВА ШПЕТА*

Это исследование в значительной степени должно способствовать прояснению тех оснований, на которых в будущем может быть создана подлинная научная биография Густава Шпета (1879—1937) (первый шаг в этом направлении см.: Щедрина 2004). Для этих целей я использую ранее опубликованные, но не привлекавшиеся для этой темы, а также еще не опубликованные источники, пытаясь свести воедино те элементы, которые были бы необходимы для такого исследования и которые до сих существуют по отдельности. Моя главная задача будет состоять в том, чтобы выявить наиболее значимые аспекты деятельности Шпета в области русской и советской культуры (включая литературу, переводы и театр). Предпринимаемое мной исследование направлено на то, чтобы выявить различные сферы приложения его талантов и той энергии, с которой он брался за дело в период после 1927 года, и то трагическое отсутствие единства, которое приобрела его жизнь во времена политического давления сталинизма. Я начну с анализа крайне сложной как в политическом, так и в интеллектуальном плане ситуации, в которой оказался Шпет, будучи сотрудником ГАХН в конце 1920-х годов. Этот эпизод имел ключевой характер для вытеснения его из активной интеллектуальной жизни и стал первопричиной тех жестоких преследований, которым он подвергался на протяжении 1930-х годов. Как я постараюсь показать, положение Шпета стало неустойчивым уже в начале 1920-х годов, но именно со второй половины десятилетия, когда сталинизация культуры и науки шла уже полным ходом, та руководящая должность, которую занимал Шпет, и его заметная роль в обществе поставили его под удар. Я остановлюсь подробнее на пропагандистской кампании против ГАХН и на тех последствиях, которые она имела для Шпета, а затем вернусь к более раннему периоду и рассмотрю отношения Шпета с кругом русских символистов, а также его общение с имажинистами. В последних двух разделах я проанализирую переводческую деятельность Шпета и его связи с театральной средой, принимая во внимания то, что все это приходилось главным образом на 1930-е годы и уже в значительной мере определялось идеологическим воздействием сталинизма.

ШПЕТ В ГАХН

К 1927 году Сталин уже превратился в бесспорного лидера партии. Приблизительно в это же время Густав Шпет опубликовал два исследования по эстетике и философии языка и культуры: «Введение в этническую пси-

* В работе над этой статьей мне оказывали всестороннюю помощь Роберт Берд, Джон Боулт, Крейг Брандист, Дженни Брайн, Катя Чоун, Александр Дмитриев, Евгений Добренко, Анна Хан, Ольга Мазаева, Елена Пастернак, Душан Радунович, Андрей Рогачевский, Татьяна Щедрина, Марина Шторх и Борис Вольфсон. Я хочу поблагодарить их всех. Работа проводилась на средства, щедро предоставленные Фондом Александра фон Гумбольдта и исследовательским грантом Ланкастерского университета.

хологию» (1926) и «Внутренняя форма слова» (1927); основные идеи этих монографий он начал разрабатывать еще в предыдущее десятилетие[1]. Эти книги, при всей их очевидной глубине и проницательности, тем не менее знаменовали возвращение к мыслительной проблематике, которая для западной философии того времени выглядела уже несколько устаревшей. Эти работы Шпета, отчасти пересматривавшие его собственные представления конца 1910-х — начала 1920-х годов и затрагивавшие интеллектуальные проблемы, которые, по сути, восходили к XIX веку и догуссерлианской философии, также выдавали и некоторую усталость автора. Главными фигурами, на которые Шпет ссылался теперь в своих работах, стали Вильгельм фон Гумбольдт, Штайнталь, Лацарус, Дильтей и Вундт, несмотря на то что в отношении некоторых из этих мыслителей он был довольно критичен (как, например, это очевидно в случае с Вундтом).

По всей видимости, творческие способности Шпета достигли расцвета в период непосредственно до и после Октябрьской революции 1917 года. Именно в это время родились идеи, положенные в основу «Введения в этническую психологию» и «Внутренней формы слова». В течение этого относительно короткого периода он написал важную статью по этнической психологии (составившую ядро его будущей книги), а также работу «Герменевтика и ее проблемы» (законченную в 1918 году) — исследование, способствовавшее его повороту к Гумбольдту и непосредственно связанное с последней книгой Шпета, «Внутренней формой слова». Тогда же он создал и свою наиболее значимую работу по поэтике и теории дискурса — «Эстетические фрагменты», три части которой были закончены меньше чем за месяц (26 января — 19 февраля 1922 года). Наконец, в этот период Шпет опубликовал важные статьи о театре и предложил собственную интерпретацию ранних этапов развития русской философии.

Однако начиная с 1922—1923 годов положение Шпета стало ухудшаться. С 1922 года, когда он просил вычеркнуть его имя из списка тех представителей интеллигенции, которых должны были выслать из страны, и добился этого с помощью Луначарского (см.: Поливанов М. 1995: 12), он начинает все больше и больше разочаровываться в режиме. Самым сильным ударом для него, возможно, стало закрытие годом ранее отделения философии в Московском университете. Хотя Шпет продолжал некоторое время преподавать (свой последний семинар в университете он провел 26 июня 1922 года; см.: Северцева 2000: 175), уже вскоре он ощутил нехватку институциональной базы и оказался в тяжелом психологическом состоянии университетского преподавателя, лишившегося общения со своими студентами и коллегами. Само его самоопределение как философа и ученого оказалось под вопросом. На первый взгляд жизнь предлагала ему бесконечное разнообразие возможностей, но среди них не было той, которая могла бы его удовлетворить сполна, — он занимался множеством самых разных вещей, однако метания эти были вынужденными. Драма Шпета — драма мыслителя и публичного интеллектуала, уделявшего свое внимание такому количеству проектов, осуществить которое не представлялось возможным. Он так и не завершил обещанного продолжения первого тома «Очерка развития русской философии» (1922)[2], не опубликовал уже заявленную четвертую часть «Эстетических фрагментов»[3] или продолжение «Введения в этническую психологию»[4]. Как я покажу ниже, Шпет участвовал в театральных обсуждениях, литературных диспутах и в работе различных профессиональных обществ (часто профсоюзного типа); в 1921 го-

ду он был даже занят учреждением Академии физической культуры (см.: Марцинковская 2000: 63–67). В то же время он принимал активное участие (хотя и продолжавшееся недолго) в работе Института научной философии, где занимал должность директора (1921–1923), и в течение гораздо более длительного срока работал в Государственной академии художественных наук (ГАХН). Однако даже ГАХН, изоляция которой к 1927 году значительно усилилась, не могла обеспечить Шпету долговременного пристанища — она также была обречена на уничтожение, которое фактически и осуществилось — под руководством партии — в 1929 году; после проведения различных структурных реформ в апреле 1931 года она была официально ликвидирована, менее чем через десять лет после ее открытия[5].

Именно работа Шпета в ГАХН, вице-президентом которой он стал в июне 1924 года, и сделала его положение крайне уязвимым перед лицом прогрессирующей сталинизации научной жизни после 1927 года. К 1928/29 году линия партии уже начала навязываться Академии наук, а членство в ВКП(б) постепенно становилось важным фактором избрания и продвижения на руководящие и ответственные посты. В 1927 году был принят новый устав АН, проложивший путь выборам 1929 года, которые были организованы для того, чтобы ввести в состав АН большое количество видных членов партии. В начале 1928 года Политбюро уже располагало списком из 35 желательных кандидатов (разделенных на три категории в зависимости от их близости к партийному руководству; см.: Есаков 2000: 53–54). Кандидатура Шпета в 1928 году была формально предложена историком Д.М. Петрушевским в состав действительных членов Академии наук (его поддержали искусствоведы из ГАХН, наиболее активным из которых был Александр Габричевский)[6], но он провалился на выборах, проходивших уже после того, как его публично обвинили в «идеализме»[7] (см.: Поливанов М. 1992: 29; Мясников 2002: 16–22).

В силу этих изменений в Академии наук Шпет и его коллеги в ГАХН оказались словно в осадном положении, и, если судить по увеличивавшимся жалобам самого Шпета (на бессонницу, усиливающееся пьянство, различные психосоматические нарушения[8]), ощущали тревогу и подавленность. Грядущим чисткам предшествовала подготовительная кампания, которая являла собой образец худших спектаклей сталинской пропаганды в действии. Центральным ее эпизодом стала ожесточенная атака, начатая в «Комсомольской правде» от имени «молодого поколения» ученых ГАХН. Под саркастическим общим заголовком «“Бессмертные” от мертвых идей» — под «бессмертными» (по аналогии с Французской Академией) подразумевались члены самой ГАХН — было напечатано несколько статей, направленных на создание соответствующей атмосферы недоверия, подозрения и доносительства. В этом пасквиле сообщалось, будто аспирант С.С. Скрябин является последователем толстовского учения непротивления злу насилием и таким образом пытался уклониться от службы в Красной Армии; сама ГАХН стала прибежищем многочисленных «идеалистов шпетовской закваски» (поименно были упомянуты Габричевский, Жинкин, Лосев, Цирес, Недович); а во главе этой реакционной «цитадели» антимарксизма находится сам Шпет[9]. Анализ этих газетных обвинений может выявить основные составляющие работы по формированию нужного общественного мнения (и манипулированию им) во времена Сталина. Сам рецепт вкратце можно изложить так: а) снача-

ла против руководства, заподозренного в идеологической неблагонадежности, выдвигаются те или иные обвинения; b) затем в огонь подливается и масло — избранную жертву уличают в полной бесполезности и даже вредительстве; c) наконец, сам обвинитель заявляет, что может делать работу лучше, поскольку стоит на правильных идеологических позициях и обладает большей энергией и политической преданностью, нежели «старая гвардия».

Все эти три компонента с обескураживающей очевидностью проявлены в действиях ревностных доносителей, выступивших в «Комсомольской правде». Поскольку официальный президент ГАХН Петр Коган пришел к марксистским убеждениям еще до Октябрьской революции и впоследствии неоднократно предпринимал усилия, чтобы подтвердить свою лояльность режиму[10], в качестве ритуального козла отпущения, без которого не могла обойтись эта кампания, был использован именно вице-президент Густав Шпет, который в студенческие годы придерживался социал-демократических взглядов и испытывал определенную симпатию к марксизму (за что был временно исключен из Киевского университета), но после 1917 года никогда не стремился расположить к себе новую политическую элиту. В качестве руководителя Академии его обвиняли в оторванности от жизни (когда речь шла о связях Академии с новой «общественностью»), протекционизме[11] и элитарности. Критики утверждали, что его научные труды лишены какой-либо ценности. Были даже собраны сведения, доказывающие, будто его книги не способны привлечь более широкий круг читателей: к февралю 1929 года (если только эти данные верны) невостребованными оставались 1227 экземпляров «Введения в этническую психологию» (из двухтысячного тиража), а из коллективного сборника ГАХН «Искусство портрета»[12] (где печатались многие из тех, кого заклеймили как «идеалистов шпетовской закваски») были распроданы только 300 книг (из 2000)[13]. Особо отмечались различные «грубые нарушения» устава Академии, самое серьезное из которых (возможно, поскольку дело касалось денег) состояло в том, что некоторые члены не удосужились прочитать обязательную ежегодную лекцию в Академии, но по-прежнему получали ежемесячные выплаты в размере 100 рублей[14]. Еще большую тревогу вызывало то, что в такой организации, как ГАХН, со штатом «около 150—200 человек»[15], выявилось отсутствие партийной ячейки. Благодаря этому Академия ускользала от партийного контроля и стала в гуманитарных науках «троянским конем». Как и следовало ожидать, этого оказалось достаточно для «бунта левых» и раскола в аспирантском сообществе ГАХН. Из газеты читатель узнавал, что молодежь-де не собирается мириться с ущербным стилем руководства Академии и ее вредоносной деятельностью. Таким образом перед лицом «советской общественности» левое крыло ГАХН заявило о том, что снимает с себя ответственность за политическую линию руководства. Давление извне было необходимо для того, чтобы разрушить защитный слой, позволявший Академии существовать автономно. Поскольку большинство членов ГАХН были «идеалистами», а для зачисления в аспирантуру требовалось три рекомендации от членов Академии, то порочный круг воспроизведства идеологически опасных взглядов мог быть разорван, как подчеркивала «Комсомольская правда», только с помощью партии. Такая помощь была немедленно оказана, и в конце 1929 года аспирантская программа ГАХН, учрежденная в 1926 году, была закрыта и передана в РАНИОН (см.: Misler 1997: 19—20).

29 октября 1929 года, примерно через восемь месяцев после обвинений «Комсомольской правды», Шпет был освобожден от своих обязанностей вице-президента ГАХН[16] — решение вступало в силу с 1 ноября. В январе 1930 года его членство в Академии было прекращено, и в июле того же года, после того как его официально объявили человеком, превратившим ГАХН в «крепкую цитадель идеализма»[17], любые должности в советской системе образования и «идейной жизни» стали для него недоступны. Резолюция, выпущенная в итоге этой кампании, гласила: Шпету разрешается «приложить свои знания иностранных языков в качестве переводчика при обеспечении надлежащего идеологического руководства» (цитируется в: Bowlt 1997: 305).

Теперь становится понятно, почему после 1927 года Шпет перестает заниматься философией и эстетикой. Он счел невозможным работать над своими замыслами, ибо утратил такой стимул, как перспектива быть напечатанным, и оказался в обстановке растущей враждебности и сомнений в его способности внести тот или иной вклад в советскую философию, эстетику и психологию. В самом деле, после 1927 года Шпет, по-видимому, не создал ничего, за исключением обновленного варианта небольшой статьи «Литература» (опубликованной в 1982 году) и незаконченного текста (опубликованного в 2002 году) о философских источниках диссертации Чернышевского, работу над которым он прекратил в 1929 году, когда был снят с должности вице-президента ГАХН. В том же году другой русский мыслитель и теоретик культуры, тогда еще молодой Михаил Бахтин, родившийся в 1895 году, был приговорен к ссылке в Казахстан (после смягчения первоначального приговора). В отличие от Бахтина, чья первая значительная работа увидела свет в 1929 году, Шпет (родившийся в 1879-м) к тому времени уже чувствовал себя — по его собственным словам — опустошенным и смирившимся с тем, что он «выброшен из общественной жизни и физической жизни тоже» (цит. по: Bowlt 1997: 300). Находясь в ссылке, Бахтин нашел в себе силы писать для будущих поколений. Это стало возможным благодаря его маргинальному положению в обществе (почти полной незаметности с точки зрения обычных представлений об общественном успехе и институциональном влиянии), в силу его особой психологической установки — спокойной уверенности в том, что «у каждого смысла будет свой праздник возрождения», и, наконец, из-за его семейных обстоятельств. Если говорить о карьере Шпета в 1920-е годы, то его эфемерное участие в разных проектах и немалые обязанности, втягивающие его в бесконечные «торги» во имя власти и престижа, а также (что было решающим) его постоянно растущее разочарование в возможности заниматься свободной от партийного контроля наукой значительно осложняли для него борьбу с усиливающейся изоляцией, на которую его обрекал сталинизм. К этому добавлялась ответственность за большую семью, что мешало Шпету достичь столь необходимой внутренней сосредоточенности, которая позволила бы собрать воедино его разнонаправленные интеллектуальные усилия. Начиная с 1927 года он утратил прежнюю веру в значимость занятий философией и наукой вообще; измученный дискредитирующей его кампанией, чистками, маргинализацией и судебными делами, Шпет писал теперь на потребу дня, занимаясь переводами, переделками, редакторской работой, составлением внутренних рецензий и другими видами деятельности, которые могли принести доход[18].

Вынужденное обращение Шпета к новым сферам деятельности после 1927 года облегчалось для него тем, что он уже располагал широкой сетью контактов в мире литературы, издательского дела и театра. До сих пор присутствию Шпета на российской литературной сцене 1910—1930-х годов уделялось недостаточное внимание. В результате наши знания и представления о тех областях, в которых он работал, и о разнообразии русской литературной и театральной жизни в первой трети XX века оказываются не такими полными, какими они могли бы быть. Участие Шпета в этих нередко пересекающихся сферах принимало разные формы: прежде всего, он писал о литературе и театре — из теоретической перспективы своей философии искусства[19]; во-вторых, за счет личных дружеских отношений и связей он играл важную роль в целом ряде неформальных сообществ или групп с более выраженной формальной организацией (вроде Московского лингвистического кружка), привлекая их внимание к изучению литературы, театра и проблем науки; наконец, последним, но немаловажным фактом является деятельность Шпета в качестве русского переводчика и комментатора ряда произведений английской классики. Ниже я постараюсь в хронологическом порядке рассмотреть активное участие Шпета в русской и советской культурной жизни (1910—1930-х), уделяя внимание его связям с двумя современными ему литературными течениями (символизмом и имажинизмом), его переводческим трудам, а также его интересу к театру и театральной работе; все эти разнообразные стороны жизни философа изучены пока крайне скудно.

СРЕДИ СИМВОЛИСТОВ

Литературные и театральные связи Шпета начали складываться главным образом после его переезда в 1907 году в Москву. В Киеве, где он учился в университете св. Владимира, он уже заявил о своем интересе к литературе, опубликовав короткие заметки в газете под псевдонимом Лорд Генри (Поливанов М. 1992: 15). Однако именно московский круг символистов стал той средой, в которой завязались его первых серьезные контакты с одним из наиболее значительных литературно-художественных кружков — «Обществом свободной эстетики», также известным как просто «Эстетика». Неформальным лидером «Эстетики» был Валерий Брюсов; среди других знаменитых участников, если упоминать лишь некоторых, были Андрей Белый, Михаил Гершензон, художник Валентин Серов, историк Дживелегов, философы Федор Степун и Борис Вышеславцев. У Шпета сложились дружеские отношения с несколькими литераторами — а именно Юргисом Балтрушайтисом, который стал его другом на всю жизнь, а также братьями Эмилием и Николаем Метнерами (Белый 1934: 242); вполне вероятно, что в это же время произошло и его знакомство с Павлом Сакулиным. Через пару лет Шпет присоединился к группе, образовавшейся вокруг издательства «Мусагет», в центре которой находились Метнер, Белый и Лев Кобылинский (Эллис) — последний также был другом Шпета (см.: Белый 1933: 75). Шпет «утверждал философичность» сборника стихов Белого «Золото в лазури» (Белый 1934: 306), однако во многих беседах саркастически предостерегал последнего от игры с философией в поэзии (или от того, чтобы открыто щеголять ею); по словам Белого — передающего в свою очередь слова Шпета, — чтобы быть настоя-

щим поэтом-философом, нет необходимости ни надевать «изношенный фрак, взятый напрокат в гардеробе Риккерта» (Белый 1934: 307), ни даже смешивать мистические аспекты стихотворения с философскими (Белый 1969: 561; Белый 1992: 338). Белый признавался, что «влюблен» в «изящный, утонченный ум» Шпета (Белый 1969: 559–560). В сентябре 1909 года, когда было по-прежнему неясно, будет ли «Мусагет» только журналом или станет полноценным издательством (см.: Белый 1934: 374), Белый рассматривал Шпета как потенциального участника журнала, который мог бы писать о Фихте, а также о польской философии и культуре (Шпет, сам выходец из Польши, читал Белому стихи Словацкого и Мицкевича по-польски; см.: Белый 1969: 560). Эмилий Метнер тоже полагал, что Шпет подходит для участия в философской секции журнала (см.: Щедрина 2004: 78, примеч. 18). Однако год спустя, в октябре 1910 года, откровенные высказывания Шпета заставили Белого написать Метнеру, что Шпет «блестящ, но явно нам враждебен» (цитируется по: Щедрина 2004: 56). Несмотря на этот кризис, произошедший в отношениях Белого и Шпета в первые годы их знакомства, они вновь стали работать вместе после революции, в московском отделении Вольной философской ассоциации (Вольфила), учрежденном в сентябре 1921 года. Белый стал председателем совета отделения, а Шпет был избран одним из его заместителей (Gut 1997: 94; Лавров и Малмстад 1998: 269, примеч. 22). Несколькими годами позже, в 1927 году, Белый написал Иванову-Разумнику, что его постепенное отдаление от Шпета было связано с пристрастием последнего к алкоголю, которое Белый не разделял (Лавров, Малмстад 1998: 463). Белый возобновил свое знакомство со Шпетом в 1933 году, в последний год своей жизни (см. два его письма Шпету в апреле и августе 1933 года, опубликованные в журнале «Начала» (1 (1992): 64–65)).

Шпет был не единственным философом, принимавшим участие в деятельности, связанной с издательством «Мусагет»; там также часто видели Владимира Эрна, Сергея Булгакова, Сергея Гессена, Николая Бердяева и Михаила Гершензона. С 1910 по 1914 год «Мусагет» выпускал русскую версию международного философского журнала «Логос», которую редактировали Федор Степун и Сергей Гессен. Среди членов «Мусагета» существовало отчетливое разделение между теми, кто поддерживал направление, представляемое «Логосом», и теми, кто критиковал его за чрезмерное увлечение неокантианством и недостаточное внимание к другим течениям современной философии. Шпет, Эрн и Булгаков (последнего Шпет иногда высмеивал за употребление «помады, изготовленной из поповского духа и воспоминаний о своеобразном марксизме», см.: Белый 1934: 306) находились в лагере оппонентов; в случае Шпета это, несомненно, было мотивировано его отказом от неокантианства в пользу феноменологии.

Среди символистов Шпет сблизился не только с Белым, Балтрушайтисом, Эллисом (и Николаем Феофилактовым, главным иллюстратором журнала «Весы»), но также с Вячеславом Ивановым. Их отношения еще ждут серьезного исследования, но, как можно судить, основываясь на отдельных доступных источниках, со временем уважение и интерес, которые Шпет испытывал к поэту и мыслителю, переросли в дружбу, основанную также на том, что Иванов признавал в Шпете серьезного философа и комментатора литературных произведений. Лев Шестов упоминает об одном из вечеров у него дома, 8 декабря 1914 года, который он и его гости —

Иванов, Шпет и Бердяев — провели в увлекательных спорах (Баранова-Шестова 1983: 130). Из писем Шпета к его второй жене Наталии Гучковой-Шпет выясняется, что летом 1915 года он и Лев Шестов часто бывали у Иванова и слушали его стихи (см.: Щедрина 2005: 225; 248; 258), иногда в компании Бальмонта, Балтрушайтиса и Ремизова (о Шпете позже кратко упоминается в книге Ремизова «Взвихренная Русь»; см.: Ремизов 1927: 232), а иногда — Михаила Гершензона. Шпет описывал прочтенные Ивановым стихи во время одного из таких посещений (7 июня 1915 года) как «превосходные». По-видимому, в глазах Шпета Иванов обладал авторитетом не только как поэт, но также как наставник, убеждавший Шпета в необходимости жесткой рабочей дисциплины (см.: Серебренников 1995: 228). Шпет подарил Иванову три свои опубликованные работы — «Явление и смысл» (1914); «Философское наследство П.Д. Юркевича» (1915) и «История как проблема логики» (1916); все с дарственными надписями (см.: Обатнин 2002: 323—324). В 1920 году Борис Горнунг участвовал в долгих дебатах о будущем русской культуры, в которых Иванов по всем пунктам соглашался с Луначарским, а Горнунг пользовался поддержкой Шпета (Горнунг Б. 2001: 331, примеч. 26). Позже, в первые годы пребывания Иванова в Италии, Шпет, по всей видимости, способствовал избранию Иванова одним из «членов-кандидатов» ГАХН в декабре 1926 года (Бёрд 1999: 320; Кондюрина 2001: 238. примеч. 3). Шпет пытался помочь Иванову, предлагая от имени ГАХН купить его московскую библиотеку (Кондюрина 2001: 373), а Иванов хотел поручить Шпету проследить за последним этапом публикации (включая чтение корректуры) сделанного им перевода трилогии Эсхила «Орестея» (Кондюрина 2001: 235, 239, 240, примеч. 5), который предполагалось издать в ГАХН. Эта задача, как она виделась Иванову, требовала таких знаний и такого организаторского таланта, что могла быть возложена только на Шпета. Публикация, однако, так и не была осуществлена (см.: Бёрд 1999: 331, примеч. 110).

За личными связями с некоторыми наиболее значительными поэтами русского символизма следует увидеть картину более общего характера (которую сейчас мы можем только бегло очертить): символизм оказал решающее воздействие на создание Шпетом эстетической теории, повлияв на формирование его консервативных установок (см.: Николаев 2004: 265—267). Высоко оценивая «серьезность» и выступая против «пустоты, утилитарности, варварства», Шпет нашел опору в философских устремлениях и авторитете символизма, восхвалять который он продолжал и в 1920-х годах в «Эстетических фрагментах» (Шпет 1989: 357—359), в то же время отвергая натурализм и футуризм и критикуя акмеистическую поэзию Ахматовой (Шпет 1989: 371)[20].

ШПЕТ И ИМАЖИНИСТЫ

Если справедливо утверждение, что отношения Густава Шпета с русским символизмом не изучены достаточно подробно, то еще в большей мере оно касается его связей с русскими имажинистами. Симпатия, которую Шпет испытывал к имажинистам, может вызвать удивление, если вспомнить о его острых критических выпадах (в первой части «Эстетических фрагментов») против футуризма — самого значительного явления русского литературного авангарда (Шпет 1989: 361—363).

Общение Шпета с имажинистами происходило в то время, когда со смертью символизма и упадком акмеизма, пришедшимся на начало революции и Гражданской войны, перед интеллигенцией встала задача найти свое место в новой политической реальности и перед лицом новых эстетических тенденций. По-видимому, Есенин был первым из будущих имажинистов, с кем познакомился Шпет. Андрей Белый считал, что их объединяла общая склонность к алкогольным увеселениям (Белый 1934: 310), но, несомненно, здесь было и нечто большее. Шпет был в числе тех членов Московского союза писателей (среди прочих были Михаил Гершензон, Михаил Осоргин и Георгий Чулков), которые в декабре 1918 года рассматривали просьбу Есенина о «выдаче ему от союза бумаги, которая защищала бы его хозяйство от налогов и реквизиций» (Есенин 2000: 202, 284). Общение Шпета и Есениным, вероятно, стало более интенсивным в 1919 году, когда Есенин вступил в недолго просуществовавшую литературную организацию «Дворец искусств», членом которой, наряду с Сакулиным, Венгеровым, Цветаевой и другими (Савченко 2003: 204), был также и Шпет. Более существенно, что Шпета связывали с Есениным не только совместные возлияния и повседневные дела, но и то, что он испытывал явный интерес к есенинской поэзии. Пик его внимания и их литературного общения, по-видимому, приходится на 1920—1921 годы, когда Есенин подарил Шпету (Есенин 2002: 60, 1999: 158) свои сборники «Исповедь хулигана» (1921) и «Пугачев» с дарственными надписями [последняя надпись — «Милому Густаву <Густавовичу> С любовью лютой» — датирована декабрем 1921 года, в то время как дата публикации, указанная в книге, — 1922 год]. Экземпляр коллективного сборника «Имажинисты» был надписан Есениным, Мариенгофом и Рюриком Ивневым (Есенин 1999: 117, 447) для дочери Шпета Леноры (1905—1976) в декабре 1920-го (дата публикации, указанная в книге, — 1921 год). Как сообщает Мариенгоф в своей книге «Роман без вранья», летом 1921 года он и Есенин организовали вечер, на котором читали свои новые произведения (Есенин по этому случаю читал отрывки из поэмы «Пугачев»); присутствовали Шпет, Мейерхольд, художник Георгий Якулов и скульптор Сергей Конёнков (см.: Юрьев, Шумихин 1990: 383).

По всей видимости, Шпет сочувственно относился к произведениям Есенина и Мариенгофа, поскольку в первой половине сентября 1921 года имажинисты, обиженные статьей, в которой Луначарский назвал их «шарлатанами, желающими морочить публику» (Луначарский 1921: 6), опубликовали резкий ответ в журнале «Печать и революция», где вызывали Луначарского на «публичный диспут по имажинизму, где в качестве компетентных судей будут приглашены проф. Шпет, проф. Сакулин и др. представители науки и искусства» (Есенин, Мариенгоф, Шершеневич 1921: 249). Другой вариант письма послали также в журнал «Книга и революция» (где он не был опубликован). Оригинал, теперь считающийся утерянным, был написан рукой Мариенгофа, однако, как утверждает Матвей Ройзман (1896—1973), который сам был второстепенным поэтом-имажинистом, подлинным инициатором письма являлся Шершеневич, так как якобы только он был лично знаком и с Сакулиным, и со Шпетом и иногда бывал у них в гостях (Ройзман 1973: 145). Однако здесь надо усомниться в точности воспоминаний Ройзмана в двух пунктах. Шершеневич вполне мог сыграть определенную роль в том, что на роль «компетентного судьи» был предложен Сакулин, но более вероятно, что имя Сакулина

было выдвинуто не одним только Шершеневичем, а в результате коллективного обсуждения. Что касается имени Шпета, то более вероятно, что не Шершеневич, а Есенин и Мариенгоф были той реальной силой, которая стояла за выдвижением этого «кандидата».

По всей видимости, это предположение может быть подкреплено двумя аргументами. Если Шершеневич был несомненно благодарен Сакулину за то, что тот одобрил его юношеские литературные опыты, оказав тем самым решающее воздействие на его занятия поэзией (что Шершеневич особо отметил в своих воспоминаниях: Юрьев, Шумихин 1990: 428, 460), то и Есенин, в свою очередь, тоже был признателен Сакулину, так как последний аналогичным образом поддержал и его поэтические начинания (Куняев С., Куняев Ст. 2002: 58. К сожалению, Куняевы некритически повторяют утверждение Ройзмана о том, что Шершеневич был единственным инициатором письма в журнал «Печать и революция»). Таким образом, крайне маловероятно, что Есенин — о знакомстве которого с Сакулиным и благодарности последнему Ройзман вообще не упоминает — не участвовал в обсуждении возможной роли Сакулина в предполагаемом общественном диспуте с Луначарским.

С другой стороны, Шершеневича нельзя отнести к безусловным почитателям Шпета. За некоторое время до этого, в декабре 1918 года, он внес имя Шпета в список двадцати русских литераторов, которых предлагал к избранию в совет Литературного отдела Наркомпроса от имени Всероссийского союза поэтов (Дроздков 2003: 148–149). Однако его предложение было отклонено. Год спустя, в 1919 году, Шершеневич начал свое стихотворение «Лирическая конструкция» со строчки, которая содержала неуловимую (для большинства сегодняшних читателей) иронию: «Все, кто в люльке Челпанова мысль свою / Вынянчил!» (Шершеневич 1997: 204). Георгий Челпанов (1862–1936) был широко известен как наставник Шпета в Киевском университете и как его «патрон» в Москве (см.: Белый 1934: 306); Шпет считался самым одаренным учеником Челпанова, который в конечном счете превзошел учителя в том, что касается авторитета и признания (Белый 1934: 307)[21]. Начальная строчка Шершеневича была, таким образом, не просто адресована ученикам Челпанова вообще, но, скорее всего, метила именно в Шпета. Тогда вероятнее предположить, что не Шершеневич, а Есенин и Мариенгоф выдвинули Шпета на роль судьи в дискуссии с Луначарским, которая в конечном итоге так и не состоялась (Луначарский отклонил это предложение в ответе, опубликованном в том же самом номере «Печати и революции»). Если Шершеневич не испытывал особого энтузиазма по поводу Шпета, то и разочарование последнего относительно поэтической карьеры Шершеневича к середине 1930-х годов было уже нескрываемым; в письме от 21 ноября 1936 года своему сыну Сергею Шпет замечал: «А из Шершеневича, увы, ничего не вышло» (цит. по: Серебренников 1995: 177).

Общение Шпета с имажинистами оказалось относительно недолгим. Он, судя по всему, не стремился дальше поддерживать дружбу с Есениным и не пытался установить более близкое знакомство с Мариенгофом (хотя еще в 1926 году обещал Борису Горнунгу связать его с Мариенгофом; см.: Горнунг Б. 2001: 397). Связи Шпета с имажинистами не оказали сколь-либо существенного воздействия на его эстетические взгляды или на его непосредственную политическую судьбу. Упоминание его имени в письме имажинистов не должно было оттолкнуть Луначарского, который знал

Шпета по временам киевской молодости. Как уже было сказано, в 1922 году, когда имя Шпета было внесено в печально известный список высылаемых из страны представителей интеллигенции, он помог философу остаться в России. Только в конце 1920-х годов, после того как процесс сталинизации стал уже необратимым, Луначарский присоединился к хору идеологической критики трудов Шпета и в октябре 1929 года на собрании в издательстве «Земля и фабрика» осудил его сочинения как «вреднейшие» (Луначарский 1964: 436). Речь Луначарского появилась в «Литературной газете» 28 октября 1929 года; как мы видели, на следующий день Шпет был освобожден от обязанностей вице-президента ГАХН — недвусмысленный пример использования печати как инструмента кадровой политики во времена Сталина.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПЕРЕВОДЫ ШПЕТА

Вклад Шпета в русскую культуру надо измерять не только масштабом и качеством его оригинальных трудов. Он был неутомимым пропагандистом западной философии; к числу его переводов принадлежат произведения авторов, сам список которых — от Беркли до Гегеля и Риккерта — производит сильное впечатление[22]. Наиболее значительный перевод философского текста, осуществленный Шпетом, — «Феноменология духа» Гегеля (перевод вышел только в 1959 году). Однако здесь я сосредоточусь главным образом на деятельности Шпета как переводчика поэзии и прозы, то есть на том аспекте его творчества, который до сих пор не привлекал серьезного внимания исследователей. Ценность, которую, помимо прочего, можно извлечь из такого изучения, двойная. Прежде всего, оно помогает выявить широкую сеть связей, сложившихся у Шпета с целым рядом и значительных и менее известных русских поэтов XX века, занимавшихся переводами (особенно с Михаилом Кузминым), а также обозначить ту роль, которую Шпет играл в некоторых журналах и альманахах в 1920-х годах. Еще более важно то, что работа Шпета в качестве переводчика — уже после его изгнания из ГАХН — помогает нам осмыслить практику литературного перевода в 1930-е годы как инструмент идеологического давления и как место столкновения разных политических позиций.

Первыми известными стихотворными переводами Шпета являются дистих Платона и фрагмент из Алкея (Левинтон, Устинов 1990а: 194; оба текста приводятся в кн.: Горнунг Л. 1992: 178—179), опубликованные в третьем номере (сентябрь 1923 года) машинописного литературного журнала «Гермес», особой известности не получившего[23]. Летом 1922 года его начала издавать группа молодых людей, большинство из которых были подающими надежды поэтами и филологами. Первые два номера журнала были подготовлены усилиями Бориса Горнунга (1899—1976), входившего в Московский лингвистический кружок в последние годы его существования[24]. Он сформировал редакционную коллегию, в которую среди прочих вошли его брат Лев Горнунг (1902—1993), подававший большие надежды филолог Максим Кенигсберг (1900—1924), памяти которого Шпет посвятил книгу «Внутренняя форма слова», и подруга (позже жена) Кенигсберга Нина Волькенау[25]. Во время подготовки двух последних номеров (всего их вышло четыре) произошли изменения в составе

редколлегии — ее возглавил Кенигсберг, а присоединились еще Виктор Мозалевский и Алексей Буслаев (еще один член Московского лингвистического кружка, а в период выхода первого номера «Гермеса» еще и его председатель). Безвременная кончина Кенигсберга в 1924 году стала причиной того, что была подготовлена только первая часть четвертого выпуска, при этом Борис Горнунг в составе новой редакционной коллегии уже не работал (см.: Горнунг Б. 1990b: 188)[26]. Более существенно, что в начале 1924 года был сформирован «научно-художественный» совет журнала под председательством Шпета, который включал некоторых из коллег по Академии, в частности Александра Габричевского, Михаила Петровского и Александра Челпанова. У Шпета и его соратников были большие планы относительно подготовки второй части четвертого номера, которая, как предполагалось, должна была содержать ряд научных статей; однако все они были опубликованы только примерно три года спустя, когда журнал уже давно прекратил существование (статья Шпета о Гумбольдте была переработана в книгу «Внутренняя форма слова», 1927, в то время как статьи, которые должны были написать Петровский, Жинкин, Губер и Волков[27], появились в коллективном издании ГАХН 1927 года «Художественная форма»; см.: Горнунг Б. 1990b: 188).

Тесные отношения Шпета с молодыми литераторами продолжались на протяжении последующих нескольких лет, приблизительно до 1926—1927 годов (см.: Горнунг Б. 2001: 331, примеч. 5). Борис Горнунг задумал машинописный литературный альманах «Мнемозина» (1924); к нему присоединились Николай Бернер и Александр Ромм (о Бернере см.: Устинов 2002: 5—64; о Ромме см.: Поливанов К. 1993: 47, примеч. 12; Тоддес, Чудакова 1981 — там устанавливается, что Ромм был первым переводчиком на русский язык «Курса общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра). В письме Михаилу Кузмину в сентябре 1924 года Борис Горнунг подтвердил, что Шпет был движущей силой, определявшей формирование новой группы, которая начала выпускать «Мнемозину» (Левинтон, Устинов 1990b: 209). Другой альманах, «Гиперборей», появился в Москве к концу 1926 года (Воробьева 2000: 177) и стал результатом сотрудничества братьев Горнунг и нескольких ученых ГАХН, включая Николая Волкова и Бориса Грифцова; он осуществился под началом Шпета. Второй номер «Гиперборея» готовился к выходу в 1927 году, но был запрещен ГПУ (Воробьева 2000: 178). Ранее упоминавшийся шпетовский перевод дистиха Платона был перепечатан в «Мнемозине», тогда как в «Гиперборее» появилась его статья «Литература» (Поливанов К. 1993: 46), рукописный вариант которой, созданный в 1929 году, был опубликован в Тарту в 1982-м[28]. Поскольку «Гермес» и «Гиперборей» выходили лишь в 12 экземплярах каждый (Горнунг Б. 1990b: 186[29]; Воробьева 2000: 179), влияние, которое могли оказывать эти труды Шпета, было, скорее всего, довольно ограниченным (хотя Борис Горнунг настаивал, что эти издания читали сотни людей в Москве, Петербурге, Киеве, Казани и Нижнем Новгороде; см.: Горнунг Б. 2001: 349). Среди более известных поэтов в «Мнемозине» публиковались только Кузмин и Софья Парнок[30].

В 1920-е годы Шпет переводил, главным образом для собственного удовольствия; в 1930-е годы, когда после увольнения из ГАХН переводы стали для него главным источником заработка, это выглядело уже совсем по-другому. За оставшиеся ему годы (1930—1937) Шпет перевел

на русский язык большое количество литературных произведений, в основном из английской классики XIX века. Без сомнения, Шпет был прекрасно подготовлен для деятельности профессионального переводчика. В своем заявлении для суда, написанном в 1937 году, он утверждал, что владеет тринадцатью иностранными языками: английским, немецким, французским, итальянским, испанским, польским, шведским, норвежским, датским, украинским, болгарским, латинским и греческим (Серебренников 1995: 190); количество языков, с которых он мог переводить, было даже большим — семнадцать (Шпет 2003: 587) — и возросло до девятнадцати в прошениях Сталину, написанных по разным поводам женой Шпета и актером Василием Качаловым (Серебренников 1995: 284, 287). Сам Шпет указывал, что редактировал переводы из английской, польской, немецкой и скандинавской классической литературы (Шпет 2003: 589). Он также занимался рецензированием переводов для различных издательств, чаще всего для «Academia»[31].

Как правило, Шпет переводил прозу, и в центре его работы после 1930 года находился Диккенс. «Тяжелые времена» и «Холодный дом» (последний роман был сокращен для детей и подростков) появились в 1933 году в переводе Шпета. Однако его перевод «Записок Пиквикского клуба» был отвергнут (Поливанов М. 1992: 30), и Шпет должен был довольствоваться тем, что ему дали составить том комментариев, опубликованный в 1934 году[32]. Владимир Милашевский, художник, иллюстрировавший «Записки Пиквикского клуба», в одном из вариантов своих мемуаров отмечал, что Шпет и Евгений Ланн (который переводил книгу вместе с А.В. Кривцовой) оба враждебно восприняли его иллюстрации, настаивая на том, что издание должно содержать оригинальные работы Роберта Сеймура, Роберта Басса и Хэблота Брауна (Физа). В конце концов Корнею Чуковскому удалось сломить активное сопротивление Шпета и компромисс был достигнут: текст Диккенса был издан с иллюстрациями Милашевского, в то время как оригинальные рисунки были воспроизведены в томе комментариев Шпета (Юниверг 1992: 51—53)[33]. Шпет также обдумывал возможность многотомного издания собрания сочинений Диккенса и даже диккенсовской энциклопедии[34]. Находясь в ссылке, он безуспешно пытался добиться от издательства «Academia», чтобы оно поручило ему перевод «Дэвида Копперфильда» и редакторскую работу над первым полным русским переводом «Хижины дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу[35]; он также перевел пьесу Оливера Голдсмита «Ночь ошибок, или Унижение паче гордости»[36]. Еще ранее он стал редактором двухтомного перевода сочинений Теккерея, для которого писал комментарии к «Ярмарке тщеславия» (1933—1934), и подготовил перевод части «Тристрама Шенди» Стерна[37].

Единственный известный перевод немецкой прозы, осуществленный Шпетом, — это письма Шиллера к Гёте, над которыми он работал в 1935—1937 годах (перевод хранится в РГБ. Ф. 718. К. 13. Ед. хр. 6); перевод писем Гёте к Шиллеру был доверен Михаилу Петровскому (1887—1937), литературоведу и бывшему коллеге Шпета по ГАХН, позже оказавшемуся, как и Шпет, в ссылке в Томске, где он вплоть до нового ареста и расстрела работал в университетской библиотеке как ученый-библиограф (Серебренников 1995: 115, 263). Несмотря на то что Шпет не хотел общаться с теми, кто, как ему казалось, предал его во время следствия, избежать встречи с Петровским в Томске оказалось невозможным (Серебренников 1995:

215; 226; 235). Имена Шпета и Петровского не были указаны в выходных данных перевода, опубликованного в 1937 году (с введением, которое было написано Георгом Лукачем)[38].

В то же время именно переводы поэзии, которыми Шпет занимался в 1930-е годы, позволяют понять сложную политику перевода времен сталинизма. В 1930-е годы велась продолжительная и интенсивная кампания, цель которой состояла в том, чтобы познакомить советского читателя с произведениями европейской классики XVIII и XIX веков. Идея эта принадлежала Горькому, но после его отъезда за границу осенью 1921 года реализация его любимого проекта — для которого было основано издательство «Всемирная литература» (1918—1924) — приостановилась. Совершенно неслучайно эта идея стала вновь актуальной именно в 1930-е годы[39]. Формирование нового канона классических произведений, предназначенных для широкого читателя, было частью сталинской культурной политики, цель которой состояла в том, чтобы создать ощущение единства и общественного согласия вокруг якобы общих эстетических (читай: идеологических) ценностей, воплощенных в русской и западной литературной традиции прошлых двух столетий. Этот новый канон включал уже много таких произведений, которые ранее клеймились как проявление «абстрактного» буржуазного гуманизма, с которым партийное искусство призвано было бороться, вплоть до полного его изживания. С середины 1930-х годов буржуазный реализм опять оказался в моде, а защитой для него стали попытки достижения консолидации с западными странами на основе общей антифашистской идеологической платформы. Новая линия на некоторое время смягчила то впечатление, которое производила за рубежом жесткая культурная политика Сталина. В 1935 году Эренбург, Бабель и Пастернак смогли принять участие в парижском Конгрессе писателей в защиту культуры. Выступая на этом конгрессе, Пастернак отказался признать за искусством конкретные политические задачи.

В России задача создания литературного канона была нацелена на то, чтобы скрыть глубокую дифференциацию разных этноисторических проекций внутри многонационального государства, а также несхожесть культурных ориентиров у различных социальных слоев. Для этого литературный перевод должен был тщательно контролироваться[40] и, кроме того, активно воздействовать на аудиторию и быть «практически-ориентированным», то есть представлять не только образцы великолепного литературного стиля и мастерства, но прежде всего те варианты классики, которые могли бы стать опорой для повседневной жизни советских читателей. Таким образом, не вызывает удивления, что практика литературных переводов в 1930-е годы была отмечена существенным расхождением принципов точности (верности оригиналу) и пользы (для целевой аудитории). Первый принцип был заклеймен как «буквализм» и должен был уступить место культуре перевода, основанной на заниженных художественных ожиданиях и завышенной политической прибыли. Политическую войну за принципы перевода легко обнаружить в полемике, которой сопровождались два из наиболее амбициозных проектов 1930-х годов — издания многотомных собраний сочинений Гёте и Шекспира. Два первых тома сочинений Гёте, в подготовке которых принимал непосредственное участие ученик и друг Шпета Александр Габричевский, были встречены протестами, суть которых сводилась к тому, что эти переводы не несут

никакой пользы, поскольку не способны снабдить советских читателей нужными «ходячими выражениями», которые могли бы пригодиться пропагандистам, философам и ученым[41]. Аналогичным образом издание сочинений Шекспира, подготовленное издательством «Academia», было подвергнуто критике (в особенности Чуковским и Мирским) за иллюзорную «точность» некоторых переводов, которые якобы осложняли доступ советского читателя к Шекспиру — не открывая читателям его гений, а, напротив, затемняя его[42].

Шпет привнес в свои переводы поэтических произведений безусловный профессионализм, строгую рациональность и здравомыслие, которыми также был отмечен и стиль его философствования. Не приходится удивляться часто адресовавшимся ему упрекам в том, что он находится на стороне «буквалистов». Иногда это было оправдано тем, что подчас он действительно сохранял чрезмерную верность оригиналу; в других случаях он был просто жертвой общего идеологического императива «демократизации» классики, следовать которому для него было невозможно.

Шпетовские переводы поэзии в 1930-е годы включали драматические поэмы «Манфред», «Каин», «Небо и земля», а также «Бронзовый век» Байрона[43] и «Енох Арден» Теннисона (этот текст был переведен в сентябре—октябре 1935 года, но опубликован лишь шестьдесят лет спустя (см.: Серебренников 1995: 17—38, 321)). Учитывая обрисованную выше полемику о философии перевода, неудивительно, что переводы поэм Байрона, выполненные Шпетом, были встречены с некоторой враждебностью. Анна Радлова, жена режиссера Сергея Радлова, которая и сама была поэтессой, писала Льву Каменеву[44] (в ответ на критические замечания Шпета о ее переводах «Отелло» и «Макбета»), что она не готова подчиниться художественному вкусу и переводческой технике Шпета, продемонстрированной в его собственном переводе Байрона (Кузмин 1998: 228—229). Радлова имела в виду ту непреклонность, с которой Шпет настаивал на точности перевода и которая порой приводила к предпочтению им буквы текста творческому духу. Шпет защищался, отвечая Каменеву, что его переводы высоко оценили такие выдающиеся поэты, как Кузмин и Пастернак (Кузмин 1998: 229). Обвинения Шпета в «буквализме» поддерживали Чуковский и Шкловский. В феврале 1934 года последний высмеивал в письме Тынянову комментарии Шпета: «Шпет, кажется, к Байрону на слово крокодил дал примечание, назвавши этого крокодила по-латыни» (цит. по: Панченко 1984: 204). На этот раз Шкловский ничего не преувеличивал и не выдумывал (см. примечание Шпета в: Байрон 1933: 406)[45].

Рассматривая деятельность Шпета как переводчика поэзии, необходимо особо отметить его работу над престижным восьмитомным изданием Шекспира (1936—1949), начатого «Academia» под общей редакцией Сергея Динамова (еще одной жертвы сталинских чисток, расстрелянного в апреле 1939 года) и Александра Смирнова (видного литературоведа, автора монографии «Творчество Шекспира» (1934) и одного из трех рецензентов докторской диссертации Михаила Бахтина «Рабле в истории реализма» в 1946 году). В письме Сталину, написанном в ноябре 1935 года из Енисейска (и, видимо, так и не отправленном), Шпет гордится тем, что был членом рабочей группы, готовившей это издание, и просит о том, чтобы ему разрешили продолжить свою деятельность редактора. Перед арестом он

читал ряд черновых переводов «опытных переводчиков, таких как Михаил Кузмин и Осип Румер», и «подверг их жестокой правке», хотя знал, что не все согласились бы с его требованием «сверхфилологической точности» (см.: Шпет 2003: 592). Шпет ссылается на Смирнова и поэтов Кузмина[46], Пастернака[47] и Антокольского как потенциальных гарантов качества его работы (Шпет 2003: 592).

«Сверхфилологическая точность», о которой Шпет говорит в письме в свою защиту, — это ответ, напрямую адресованный тем его критикам, которые предпочитали утилитаристские принципы перевода аутентичности и филологической осторожности. Напряжение между этими двумя установками стало остро ощущаться по мере продвижения работы над Шекспиром. Через некоторое время Смирнов и Шпет достигли спокойного и эффективного сотрудничества, оставлявшего за Шпетом тщательное редактирование нескольких ключевых пьес, включая «Макбета» (в этом случае его участие было настолько существенным, что он фактически превращался в соавтора перевода) и «Короля Лира»[48]. Равновесие было нарушено, когда консультантом издания был назначен Мирский, благодаря чему усилились позиции «утилитаристского» крыла, группировавшегося вокруг Чуковского. В своих письмах Шпету Смирнов возражал против этого назначения и против письменной оценки Мирским той работы, которая была за это время сделана. Он даже ставил вопрос об отказе от своих редакторских обязанностей, но Каменев отговорил его от этого шага[49]. Ситуация оказалась по-настоящему неприятной, когда Смирнов открыл Шпету, что Чуковский замышляет отстранить Шпета от работы над изданием[50]. Впавший в немилость еще после чисток в ГАХН, Шпет был не в состоянии защищаться. Статья, отвечающая на критику, которой Мирский подверг перевод «Макбета», сделанный С.М. Соловьевым и Шпетом, по-видимому, осталась неопубликованной; Шпет вынужден был ограничиться письмом, в котором просил Каменева о поддержке[51]. Печальная ирония этой вполне банальной во всем остальном истории идеологического и личного соперничества состояла в том, что и самому Мирскому скоро предстояло впасть в немилость; он погиб через два года после Шпета, тоже оказавшись жертвой сталинизма.

ТЕАТРАЛЬНЫЕ СВЯЗИ ШПЕТА

По всей вероятности, Шпет вращался в театральных кругах уже во время жизни в Киеве, как минимум с 1905 года — поскольку Александр Таиров, основатель знаменитого Камерного театра, в своих «Записках режиссера» (1921) признавал то благотворное влияние, которое Шпет оказал тогда на формирование его личности (Таиров 1970: 68). Шпет сохранял дружбу с Таировым и его женой актрисой Алисой Коонен и в более поздние годы; именно в журнале Камерного театра «Мастерство театра» Шпет опубликовал свою статью «Театр как искусство»[52].

После Октябрьской революции в Народном комиссариате просвещения был учрежден Театральный отдел (ТЕО) для регулирования работы театров по всей стране. В момент своего основания в 1918 году ТЕО состоял из четырех секций, которые ведали 1) историей театра; 2) организацией и управлением существующими театрами и цирками; 3) репертуаром и 4) театральной педагогикой[53]. Секция, занимавшаяся преимущественно вопро-

сами теории, была добавлена позже, но затем была распущена и создана заново в начале 1921 года, когда ее членами оказались назначены только писатель и критик Андрей Белый, философ Федор Степун и сам Шпет (Юфит 1968: 72). Выполняя свои обязанности по занятиям теорией театра и по распространению результатов своих исследований, Шпет в 1921 году опубликовал небольшую, но очень интересную и дискуссионную работу о процессе дифференциации труда в современном театре[54]. Исторически, утверждал Шпет, драматург и актер были одним лицом; первым шагом в процессе дифференциации постановки театрального представления было отделение актера от автора. Второй шаг означал, что автор также утрачивает свою функцию постановщика пьесы: так родились режиссер и театральный художник. Наконец, утверждал Шпет, пришло время, когда роль интерпретатора смысла пьесы доверяется независимому агенту — ни автору, ни режиссеру, ни актеру не следует давать право навязывать свои интерпретации, которые нередко — и вполне естественным образом — вступают в конфликт друг с другом. Герменевтическая функция, подчеркивает Шпет, сложна; она требует такой специализации, образования и мастерства, которыми актер или режиссер могут совсем даже не владеть. Без профессионального интерпретатора «разумный смысл пьесы» (Шпет 1991: 204) будет утрачен и актеры будут пытаться компенсировать его, акцентируя вместо этого в спектакле приемы телесной пластики (Шпет 1991: 204).

Помимо спорных идеологических импликаций (о существовании единственно правильной интерпретации), здесь также чувствуется намек на скептическое отношение к авангардному театру, вполне сообразующийся с предпринятой чуть позже атакой на футуризм и авангард в шпетовских «Эстетических фрагментах» (что мы отмечали раньше). Сдержанное отношение Шпета к авангардному театру было также очевидно в его главной работе по теории театра — в упоминавшейся выше статье «Театр как искусство». Статья Шпета, напечатанная в номере, посвященном восьмой годовщине Камерного театра, где ей предшествовала статья Таирова, тем не менее дистанцируется от радикального требования последнего полностью отделить театр от задачи диалектического постижения мира, который существует за пределами искусства (см.: Schmid 1996: 112). В той же самой статье Шпет критикует и тезис Вагнера о синтетической природе театра (Шпет 2000: 112), который был подхвачен теоретиками более поздней эпохи и утвержден ими в качестве одного из краеугольных камней практики авангардного театра.

Очевидная парадоксальность театральных связей Шпета состояла в том, что, поддерживая тесное общение с двумя наиболее выдающимися экспериментаторами в истории русского театра, Таировым и Мейерхольдом, сам он никогда не принимал участия в их авангардных постановках. Зато когда Мейерхольд решил поставить «Даму с камелиями» Дюма (премьера состоялась 19 марта 1934 года), Шпет не только взялся за перевод[55], но также активно вмешивался в репетиции, добившись, по словам одного из актеров, «чуда»: эту пьесу всегдашний театральный экспериментатор Мейерхольд поставил в реалистическом духе (Mitiushin 1989/90: 89). Мейерхольд сделал несколько небольших вставок, которых не было в оригинале, а также изменил в некоторых местах текст, чтобы придать ему современное звучание (Ситковецкая 1993: 55), но в целом постановка была осуществлена так, что историческое правдоподобие стояло на первом месте.

Шпетовское предпочтение реализма в качестве эстетического основания современного театра привело его к тесным взаимоотношениям с Московским Художественным театром Станиславского в тот период, когда новаторство театра, по общему признанию, уже несколько лет шло на убыль. Когда 24 января 1928 года Наркомпрос утвердил художественный совет МХТ, Шпет, все еще занимавший высокую должность в ГАХН, стал его членом по квоте «от общественных организаций». По той же квоте были избраны известный знаток Маркса и истории марксизма Давид Рязанов и видные литературные критики Вячеслав Полонский[56] и Александр Воронский (Трабский 1982: 186). В протоколах заседаний худсовета 1928 года сохранились замечания Шпета о пьесе Леонида Леонова «Унтиловск» и о «Растратчиках» Валентина Катаева — инсценировки его одноименного, более известного романа (см. протоколы в: Марков 1976: 562—563; 566—567). В 1933 году он был одним из инициаторов создания небольшой рабочей группы, чьей задачей было чтение и комментирование рукописи книги Станиславского (очевидно, законченной в 1935-м и опубликованной годом позже в США по-английски книги «An Actor Prepares» (см.: Станиславский 1961: 345, 366)[57]. Шпет также был одним из организаторов широкого обсуждения воспоминаний Станиславского «Моя жизнь в искусстве» (Максимова 2000: 163; Щедрина 2004: 258)[58]. В 1938 году жена Шпета, не знавшая о его смерти, обратилась к Сталину просьбой облегчить участь мужа, ссылаясь на его творческие планы, среди которых упоминался и замысел девятитомной истории Московского Художественного театра (см.: Серебренников 1995: 287—288).

Непосредственные контакты Шпета с русской театральной сценой включали знакомство с Немировичем-Данченко, воспоминания которого Шпет читал уже в ссылке (Серебренников 1995: 202). Когда в 1935 году Шпет был арестован, эти важные связи со МХАТом, и прежде всего дружба с Василием Качаловым и Ольгой Книппер-Чеховой, двумя самыми известными актерами театра, позволяли ему надеяться на то, что представители театральной профессии выразят открытую озабоченность его судьбой. Качалов и Книппер-Чехова были среди тех, кто подписал прошение о переводе Шпета из Енисейска в Томск, университетский город с библиотекой и более подходящими условиями для научной и литературной работы, а также о разрешении его семье продолжать жить в Москве, после того как он был отправлен в ссылку (Серебренников 1995: 283—284).

В 1936 году, уже в ссылке в Томске, Шпет возобновил свое восходящее к работе в ГАХН знакомство с драматургом Николаем Эрдманом (1902—1970), который на ранних этапах своей деятельности был близок к имажинистам. Эрдман тоже был сослан и проживал в то время в Томске, где работал драматургом в местном театре с сентября 1935 года до конца октября 1936 года (Серебренников 1995: 242, примеч.). Шпет позволял себе некоторую фамильярность, называя Эрдмана Мандатом (Серебренников 1995: 237), имея в виду самую удачную комедию Эрдмана, поставленную Мейерхольдом в 1925 году. Эрдман познакомил Шпета с более молодым режиссером, который хотел поставить «Отелло» в Томском театре и надеялся получить совет Шпета относительно интерпретации пьесы. Написав для издания «Academia» (Шпет 2003: 589) обширные комментарии к десяти шекспировским пьесам, Шпет, без сомнения, был способен оказать режиссеру большую помощь в работе; однако эта постановка так и не была осуществлена, так же как не удалось

сохранить за Шпетом пост Эрдмана в театре после отъезда последнего (Серебренников 1995: 242).

* * *

Наше знание о литературных контактах Шпета, его работе как переводчика и его театральных связях позволяет нам оценить все многочисленные формы его интеллектуальной жизни, особенно в конце 1920-х годов и в 1930-е годы — в тот период его деятельности, который можно охарактеризовать как «разнообразие поневоле». В течение этого времени Шпет был вынужден растрачивать свою энергию на все возрастающее количество занятий, ни одно из которых не давало ему возможности развивать собственные проекты мыслителя и ученого. Спасительная неразбериха первого послереволюционного десятилетия, еще терпимого и не препятствующего творчеству, постепенно сменялась жестким идеологическим контролем и репрессиями, определившими судьбу Шпета и его окончательную катастрофу. Последний и в то же время наиболее ярко выраженный и последовательный западник в истории русской мысли XX века, он после 1927 года оказался обречен на все более маргинализировавшееся существование и лишен возможности самореализации. Шпету, отвергавшему подпорки как марксизма, так и русской религиозной философии, оставалось лишь переносить бури истории в одиночку и встретить свой трагический конец с достоинством и стоицизмом.

Пер. с англ. Н. Мовниной

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Понятие и термин «внутренняя форма» можно найти уже в 1917 году в статье Шпета «Мудрость или разум?» (Шпет 1994: 294—295); позже оно появляется в его «Эстетических фрагментах» (1922). «Введение в этническую психологию» основывается главным образом на его статьях по этой проблематике, опубликованных в «Психологическом обозрении» в 1917—1918 годах (в книге Шпет неточно указывает датой их первой публикации 1919 год; см.: Шпет 1989: 475); к декабрю 1922 года эти статьи были переработаны в книгу, которую издательство «Колос» готовилось в скором времени опубликовать (см.: Щедрина 2005: 499). Этого не произошло, и в 1926 году Шпету пришлось дополнить рукопись главами, содержащими обзор литературы, опубликованной после 1918 года. Книга появилась в 1926 году (Петрицкий 1991: 25), хотя дата официальной публикации, указанная на обложке, — 1927 год.

2 О планировавшемся продолжении «Очерка развития русской философии» см.: Щедрина 2004: 37, 47—48, 247; Щедрина 2005: 474—476, 491.

3 Шпет сначала намеревался дать этой серии название «Эстетические обещания»; см.: Щедрина 2005: 481. Однако в конце концов остановился на «Эстетических фрагментах», отчасти для того, чтобы сохранить возможность дальнейших выпусков. Четвертый выпуск был объявлен издательством «Колос» (опубликовавшим три выпуска «Эстетических фрагментов»); текст, тесно связанный с обещанным четвертым выпуском, появился в 1923 году в журнале ГАХН «Искусство» (см.: Шпет 1989: 433, 575). Наиболее полная из всех доступных версий «Эстетических фрагментов» Шпета, по-видимому, та, которая была опубликована в 1989 году в его «Сочинениях»; В.К. Кантор восстановил для этого издания текст, сокращенный в первой публикации (см.: Шпет 1989: 575; Кантор 2006: 271).

4 Название книги сопровождалось пометой «Вып. 1»; на первой странице введения Шпет подчеркивал, что это «*первый* выпуск» его «Введения» (Шпет 1989: 475; курсив оригинала).

5 Полезные обзоры институциональной истории и структуры ГАХН (созданной в октябре 1921-го как РАХН и переименованной в ГАХН в мае 1925 года) см.: Стрекопытов 1996 и Strekopytov 1997.

6 Имя Шпета появилось в официальном списке кандидатов, опубликованном в «Известиях» (21 июня 1928 года).

7 «Ленинградская правда» (от 17 октября 1928 года) писала: «Лейтмотив философских построений проф. Шпета... звучит диссонансом в стране строительства социализма» (цит. по: Федорова 2002: 47).

8 На протяжении 1920-х годов здоровье Шпета было заметно ослаблено; уже в 1920—1921 годах он описывал свое состояние как маниакально-депрессивное (см.: Щедрина 2005: 348, 364), в то же время Михаил Гершензон нередко отмечал чрезмерную «нервозность» Шпета (см.: Гершензон 1992: 245, 296, примеч. 4). К 1930 году злоупотребление алкоголем — которое, очевидно, было реакцией на развернутую против него яростную кампанию — казалось проблемой даже внимательными и доброжелательными друзьям; обеспокоенный Балтрушайтис посвятил Шпету стихотворение «Нетрезвому Шпету» (см. текст стихотворения, датированный 9 апреля 1930 года, и комментарии Щедриной в книге: Щедрина 2004: 70). В конце 1920-х — начале 1930-х Шпет стал подозревать, что психически болен; он изучал книги по психиатрии и хотел знать мнения психиатров по этому поводу (Поливанов М. 1992: 31).

9 См. блок статей: «Бессмертные» от мертвых идей. Академия художественных наук в плену у реакционеров. Требуем вмешательства пролетарской общественности // Комсомольская правда. 1929. 20 февраля. С. 2 (см. также: Либералы замазывают классовую борьбу в науке. В Академии художественных наук вдвойне неблагополучно — ГАХН готовит антимарксистскую смену // Там же. 1929. 29 марта). В своем ответе («Академия отвечает. Письмо в редакцию»; письмо сопровождалось встречным текстом редакции, «Опровержение или подтверждение?») президент ГАХН Петр Коган утверждал, что Скрябин не привлекался к суду и был освобожден от военной службы как толстовец. Об обвинениях, выдвинутых против Скрябина, см. также: *Bowlt John E.* Segei Skriabin // Experiment/Эксперимент. 1997. № 3. P. 181—82. Боулт приписывает весь блок обвинительных статей в «Комсомольской правде» от 20 февраля И. Бачелису; на самом деле один из текстов в блоке, «Еще одна Академия», был подписан Шмыговым и Валуйским, в которых Лев Горнунг в своих воспоминаниях (Горнунг Л. 1992: 179) спустя более чем пятьдесят лет опознал, соответственно, рабочего и бывшего военного, направленных партией в составе группы из четырех активистов для «чистки» ГАХН. К «Комсомольской правде» вскоре присоединились журналы «На литературном посту» (1929. № 4—5, 6; в последнем номере даже содержалась карикатура Кукрыниксов с подписью «О ГАХНе, Когане и Шпете», сопровождаемая насмешливыми стихами, — см. комментарии М. Поливанова в публикации: Горнунг Л. 1992: 181—182) и «Печать и революция», где в июне 1929 года была опубликована направленная против ГАХН диатриба Исаака Нусинова, пламенного сторонника социологического метода (см.: *Нусинов И.* «Наука» в Государственной Академии художественных наук // Печать и революция. 1929. № 6. С. 81—89). Наконец, в феврале 1930 года, несмотря на то что Шпет к этому времени уже был смещен с должности вице-президента, «Литературная газета» заклеймила его философию как «реакционную мистику», «затемняющую сознание трудящихся» (Литературная газета. 1930. 17 февраля).

10 Хотя научная репутация Когана основывалась на его дореволюционных исследованиях западноевропейской и русской литературы, к 1927-му он уже писал работы на такие темы, как, например, «Красная армия в русской литературе» (Коган 1926). Этот авторитет не избавил Когана от пренебрежительных замечаний Маяковского (см. упоминание его в стихотворении «Сергею Есенину»).

11 В литературной секции ГАХН сотрудниками были братья Михаил и Федор Петровские, Борис и Григорий Ярхо; работал там также и Александр Челпанов, сын выдающегося психолога Георгия Челпанова, — как и его отец. Еще больше подобных случаев перечислено в документах, которые приведены в: Bowlt 1997: 304; Марцинковская 2000: 22, а также: Горнунг Л. 1992: 179—180.

12 Искусство портрета / Под ред. А.Г. Габричевского. М.: ГАХН, 1928 (в действительности опубликовано в 1927 году; см.: Mikhailov 1997: 10, примеч. 14).

13 Все цифры приведены по: Комсомольская правда. 1929. 20 февраля. С. 2 (в разделе, озаглавленном «А вы говорите: бумажный кризис!»). «Бесполезность» публикаций ГАХН вместе с обвинениями в неумелой издательской политике и разбазаривании средств (все это были камни в огород Шпета, так как он являлся казначеем ГАХН, а также директором издательского комитета Академии) еще раз всплыли на поверхность в резолюции, вынесенной в июле 1930 года, которая завершила процесс политических чисток в ГАХН. В резолюции говорилось, что из всего тиража «Введения в этническую психологию Шпета было продано только 39% (тут стоит вспомнить, что в феврале 1929 года сообщалось, будто нераспроданными остались 1227 экземпляров книги Шпета, то есть как раз 61% всего тиража; очевидно, в июле 1930-го и в феврале 1929 года использовались одни и те же цифры); согласно резолюции, вся книжная продукция ГАХН была напечатана в общем количестве 88 000 экземпляров, из которых продано было только 57% (цифры, упомянутые в резолюции, см.: Bowlt 1997: 304).

14 Точная сумма ежемесячной зарплаты члена Академии, записанная в официальном протоколе заседания «комиссии по чистке», составляла 96 рублей (в 1924 году Гершензон хвалил способности Шпета как казначея, подчеркивая, что за то время, пока Шпет отвечал за финансы ГАХН, зарплаты почти удвоились, см.: Гершензон 1992: 307). Во время чистки Шпет был обвинен в алчности и «рвачестве»; утверждалось, что он сам получал оклад в 286 рублей, что было в три раза больше ежемесячной зарплаты обычного члена ГАХН (см. документ, приведенный в: Марцинковская 2000: 22).

15 Число сотрудников, названное в «Комсомольской правде», вероятно, было правильным; точные данные, касающиеся членов ГАХН между 1921 и 1927 годами, см.: Стрекопытов 1996: 51—52.

16 В тот же день был закрыт «Бюллетень ГАХН» (всего вышло одиннадцать номеров) и была сокращена подписка на иностранную периодику (см.: Misler 1997: 29—30).

17 В том же документе Лосев был назван «контрреволюционером»; см.: Bowlt 1997: 303.

18 После увольнения из ГАХН Шпет ежемесячно получал пенсию в размере 160 рублей (Поливанов М. 1995: 14), что в 1930 году было явно недостаточно для семьи с тремя детьми от 11 до 16 лет (у Шпета было еще двое детей от первого брака, которым в то время было 25 лет и 22 года).

19 Я рассматриваю вклад Шпета в литературную теорию в статье: Tihanov (в печати).

20 Ахматова познакомилась со Шпетом, когда в 1906/07 году училась в Фундуклеевской гимназии в Киеве, где Шпет преподавал психологию (см.: Reeder 1995: 17—18). Вера Беер вспоминает урок психологии, который вел Шпет и где Анна (тогда еще Горенко) читала Брюсова вслух (Беер 1991: 28; 30; см. упоминание Шпета и гимназии полвека спустя в ахматовских тетрадях: Ахматова 1996: 79). Язвительная критика Шпета в адрес ахматовской поэзии в «Эстетических фрагментах» была мотивирована исключительно его эстетическими взглядами. Против нее, в числе прочих, активно возражал Вейдле (и даже Борис Горнунг, горячий сторонник Шпета, по этому поводу с ним не соглашался — см. письмо Горнунга Бенедикту Лившицу в: Горнунг Б. 2001: 390). При этом Шпет чрезвычайно интересовался произведениями Гумилева; в 1926 году Лев Горнунг сообщал Ахматовой, что получил в подарок от Шпета рукопись новеллы Гумилева «Скрипка Страдивариуса», которую Шпет достал через Сергея Полякова, из-

дателя «Весов», где в 1909 году она была напечатана (Горнунг Л. 1989a: 69; в другом варианте воспоминаний Лев Горнунг утверждал, что упомянутое событие произошло 1 октября 1928 года, см.: Горнунг Л. 1992: 177–178). Ахматова и Шпет встретились еще раз (случайно) в мае 1934 года у Бориса Пильняка в Москве, где Шпет был в компании Балтрушайтиса и Сергея Прокофьева. Узнав об аресте Мандельштама, Ахматова тогда приехала из Ленинграда в Москву (см.: Ахматова 1968: 182).

21 Челпанов упоминается еще раз, и снова в весьма двусмысленном контексте, в манифесте Шершеневича 1920 года «2×2 = 5» (Шершеневич 1997: 407).

22 Перечень большинства опубликованных философских переводов Шпета см.: Митюшин 1992: 91–92; шпетовский перевод «Трех разговоров между Гиласом и Филонусом» Беркли был опубликован в 1937 году без упоминания имени Шпета, см.: Серебренников 1995: 144, примеч. 5.

23 Эти тексты не упоминаются в библиографии литературных переводов Шпета (Митюшин 1992: 92).

24 После отъезда Якобсона в Эстонию, а затем и Прагу влияние Шпета (а через него и ГАХН) настолько доминировало в Московском лингвистическом кружке, что в конечном итоге это привело к расколу кружка в середине 1922 года (Николаев 2004: 228). На последних стадиях существования кружка несколько более молодых его участников — Горнунг, Буслаев и Жинкин — вступили в ГАХН; библиотека кружка была также передана в ГАХН (Toman 1995: 66).

25 Краткие биографии братьев Горнунг см.: Клюев 1998: 268–273; о Кенигсберге см.: Чичерин 1985: 239–250; Шапир 1994; о Волькенау см.: Поливанов К. 1993: 47 примеч. 12.

26 Лев Горнунг сообщает, что для четвертого номера «Гермеса» Шпета просили написать короткую заметку о Тютчеве (Горнунг Л. 1992: 183–184); просьба, по-видимому, осталась невыполненной.

27 Как и Шпет, Волков занимался переводами. Его перевод (1927) из «Эстетики» Гегеля (Волков перевел только часть, известную как «Введение в эстетику») был исправлен, отредактирован и снабжен примечаниями Шпета, однако остался неопубликованным (перевод хранится в Российской Государственной библиотеке в Москве: ОР РГБ. Ф. 718. К. 8. Ед. хр. 4, 5).

28 См.: Шпет 1982; Игорь Чубаров опубликовал несколько другой вариант (см.: Шпет 2002: 1133–1136, перепечатано в: Чубаров 2005: 253–259).

29 В отличие от своего брата, Лев Горнунг утверждал, что «Гермес» выходил только в трех экземплярах (см.: Горнунг Л. 1992: 175).

30 О контактах Шпета с Кузминым см. ниже. В начале 1930-х годов Шпет несколько раз посещал Парнок. В качестве дружеского жеста он перевел на английский арию Альмаста из оперного одноименного либретто Парнок (Горнунг Л. 1989b: 92; Горнунг Л. 1992: 180). Парнок, наряду со Шпетом, Пастернаком, Львом Горнунгом, Бенедиктом Лившицем и другими, входила в число инициаторов создания издательства «Узел», которое в 1926 году публиковало книги самой Парнок, Пастернака, Лифшица и Александра Ромма (см.: Поливанов К. 1992: 134). В августе 1933 года Шпет присутствовал на похоронах Парнок (Полякова 1979: 36).

31 Шпета просили отрецензировать переводы Сергея Городецкого («Пана Тадеуша» Мицкевича) и Константина Эрберга («Свадьбы» Ст. Выспянского); см. письмо из «Academia» от 5 апреля 1933 года в: ОР РГБ. Ф. 718. К. 24. Ед. хр. 56. Рецензии Шпета см.: К. 21. Ед. хр. 2 и 3 (на перевод Эрберга), и К. 21. Ед. хр. 9 (на перевод Городецкого).

32 Сокращенный перевод «Записок Пиквикского клуба» появился под редакцией Шпета и его коллеги: *Диккенс Ч.* Посмертные записки Пиквикского клуба (сокращенный перевод с английского) / Под ред. А.Г. и Г.Ш. [sic! — *Г.Т.*] М.; Л.: Молодая гвардия, 1932. В отсутствие каких-либо указаний на фамилии переводчиков

остается предположить, что перевод был осуществлен теми, кто указаны, в качестве соредакторов: Шпетом и А. Горнфельдом.

33 В другом варианте своих воспоминаний Милашевский не упоминает о сопротивлении со стороны Шпета (Милашевский 1989: 303–304).

34 См. его проекты, касающиеся издания той и другой книги, написанные оба в 1933 году (ОР РГБ. Ф. 718. К. 17. Ед. хр. 4). Шпет также предложил издание шекспировской энциклопедии (К. 20. Ед. хр. 16). Жанр, очевидно, привлекал в то время все большее внимание; в дополнение к двум только что упомянутым проектам «Academia» также пыталась начать выпускать пушкинскую и гейневскую энциклопедии (см.: Острой 1969: 171).

35 В 1930–1932 годах, Шпет сам перевел первые девять глав романа (текст хранится в: ОР РГБ. Ф. 718. К. 12. Ед. хр. 6). Если не считать еще одного автора — Эдгара По, Шпет, видимо, больше не занимался представителями американской классической литературы; что касается По, то в разные периоды Шпет правил сделанный Пястом перевод фрагментов пьесы «Полициан» и подготовил для издательства «Academia» проект издания сочинений По (см. соответственно: ОР РГБ. Ф. 718. К. 12. Ед. хр. 4, и К. 21. Ед. хр. 13).

36 Перевод Шпета 1937 года — «Ночные недоразумения» — очевидно, неопубликованный, хранится в: ОР РГБ. Ф. 718. К. 11. Ед. хр. 10 и 11.

37 См. перевод Шпета 1934 года («Жизнь и мнения Тристрама Шенди». Кн. I, гл. 1–25. Кн. II, гл. 1–2), хранится в: ОР РГБ. Ф. 718. К. 12. Ед. хр. 5.

38 *Гёте И.В., Шиллер Ф.* Переписка: В 2 т. / Вступ. статья Георга Лукача, пер. с нем. А.Г. Горнфельда и И.Г. Смидовича. М.; Л.: Academia, 1937.

39 О степени участия политической элиты в реализации этой идеи можно судить по тому обстоятельству, что первоначально подготовка издательством «Academia» сочинений Шекспира осуществлялось под наблюдением Бухарина. 11 февраля 1933 года Шпет был вызван на собрание по подготовке издания, которое должно было состояться 17 февраля в рабочем кабинете Бухарина (см. соответствующее письмо: ОР РГБ. Ф. 718. К. 24. Ед. хр. 56. Л. 21).

40 Осуществление контроля упростилось с учреждением Бюро секции переводной литературы в Союзе советских писателей; первое всесоюзное совещание переводчиков состоялась в Москве в январе 1936 года (см.: Smith 2000: 263).

41 См. критику Мариэтты Шагинян в ее статье «Гёте в юбилейном издании» (Литературная газета. 1933. 23 октября).

42 См. публикацию Т.Г. Щедриной в ближайших номерах «НЛО». — *Примеч. ред.*

43 «Манфред», «Каин» и «Небо и земля» были опубликованы в: Байрон 1933; «Бронзовый век» появился в кн.: *Байрон Дж.Г.* Лирика и сатира. М.: Гослитиздат, 1935.

44 Бывший член Политбюро и заместитель председателя Совета народных комиссаров, позже дважды исключавшийся из партии и дважды в ней восстановленный, Каменев в то время все еще возглавлял издательство «Academia». Он был снят с этой должности в начале 1935 года, приговорен к тюремному заключению по обвинению в участии в убийстве Кирова и в конце концов расстрелян.

45 Шкловский, без сомнения, был рад возможности «проучить» Шпета подобным образом. Шпет и его более молодые последователи из круга «Гермеса» по своей методологии явно противостояли формалистам, решительно дистанцируясь от «радикальных» Якобсона, Брика и Шкловского (см.: Горнунг Б. 2001: 372–373). Их антиформалистская платформа стала особенно заметной в сборнике «Художественная форма» (М.: ГАХН, 1927), встреченном Б. Эйхенбаумом с явным раздражением (см. его письмо Шкловскому от 22 марта 1927 года в: Кертис 2004: 303, где Эйхенбаум указывает на роль Шпета как наставника молодых авторов, представленных в сборнике, и пренебрежительно называет старших членов ГАХН «Шорами, Шпетами и Петровскими»).

46 Использование Шпетом имени Кузмина в 1934 и в 1935 годах требует некоторых пояснений относительно предыстории их отношений. Кузмин и Шпет встретились впервые 11 мая 1924 года в Москве (Тимофеев 1993: 160) в кружке молодых литераторов, связанных с «Гермесом». Борис Горнунг вспоминал, что Кузмин ранее отзывался об «Эстетических фрагментах» Шпета в насмешливом и скептическом тоне (Горнунг Б. 1990а: 178), но, очевидно, на атмосферу их первой встречи это не повлияло. В тот раз у Кузмина завязался оживленный спор со Шпетом и Максимом Кенигсбергом (Горнунг Б. 1990а: 180) о «кларизме», существе романтической эстетики и иронии, о дендизме и о поэзии Ахматовой. Кузмин и Шпет стали общаться интенсивнее позже, работая над изданием Шекспира, для которого Кузмин с 1930 по 1935 год перевел восемь пьес, семь из которых были напечатаны уже после его смерти в томах, выпущенных «Academia» (его перевод «Бури» остался неопубликованным; в издании «Academia» вместо него был опубликован перевод Щепкиной-Куперник). Перевод «Короля Лира», сделанный Кузминым, был исправлен и отредактирован Шпетом (Кузмин 1998: 224, примеч. 16). В 1934 году Шпет очень хотел предложить Станиславскому переведенную Кузьминым пьесу «Много шума из ничего» (Кузмин 1998: 99) в надежде, что ее поставят на сцене. В итоге Кузмин, который чувствовал себя в то время все более нездоровым, предложил, чтобы Шпет исправил перевод и фигурировал как сопереводчик и в театральной версии, и в соответствующем томе, подготовленном издательством «Academia». Правда, Кузмин не слишком обрадовался, когда Шпет его предложение принял (см. запись в дневнике Кузмина от 29 сентября 1934 года в: Кузмин 1998: 112); очевидно, он ожидал, что Шпет сделает необходимые исправления, но из вежливости отклонит предложение о том, чтобы его имя появилось на обложке. Шпет смог договориться о гонораре в 40% общей суммы; его арест и ссылка, однако, разрушили эти планы, и перевод («Много шуму попусту») был опубликован только в 1937 году под именем одного Кузмина.

47 Пастернак упоминает Шпета в «Охранной грамоте». В течение весеннего семестра 1909/10 года он посещал в Московском университете семинар Шпета по философии Юма и написал для Шпета эссе под названием «Психологический скептицизм Юма»; на следующий год он слушал шпетовский курс «Логика исторических наук» (см.: Fleishman 1996: 16, 208, 230–235). О значении Шпета для интеллектуального формирования Пастернака см.: Fleishman 1996: 128–132; о философии Шпета как импульсе для ранней поэзии Пастернака см.: Хан 1997, 1999, 2003 (см., однако, возражения Окутюрье в: Окутюрье 2004: 258–261).

48 Переводами Шекспира Шпет начал заниматься еще в 1924 году, когда он создал для Малого театра сценическую версию «Юлия Цезаря» (см.: ОР РГБ. Ф. 718. К. 13. Ед. хр. 5); в начале 1920-х он также для Малого театра начал (но так и не закончил) адаптированный вариант «Разбойников» Шиллера (Там же. К. 17. Ед. хр. 7).

49 Важные письма Смирнова (от 9 июня и 1 ноября 1934 года) находятся в архиве Шпета: Там же. К. 25. Ед. хр. 25.

50 Письмо Смирнова Шпету от 31 января 1935 года (Там же. Ед. хр. 38. Л. 9).

51 Машинописные тексты статьи и письма находятся в: ОР РГБ. Ф. 718. К. 20. Ед. хр. 3.

52 *Шпет Г.Г.* Театр как искусство // Мастерство театра. Временник Камерного театра. 1922–1923. № 1–2. С. 31–55; цитируется по: Шпет 2000, где текст датирован 24 сентября 1922 года.

53 О ранней истории ТЕО см.: Зубарев 1999.

54 *Шпет Г.Г.* Дифференциация постановки театрального представления // Культура театра. 1921. № 7–8. С. 31–33 (здесь цитируется по перепечатке Сергея Стаховского в: Шпет 1991). Эта статья не включена в библиографию опубликованных работ Шпета (Митюшин 1992). Марцинковская (2000: 43–46) опубликовала почти идентичный вариант статьи из архива Шпета в РГБ, видимо, не зная о публикациях 1921 и 1991 годов.

55 Зинаида Райх (жена Мейерхольда) и Михаил Царев (игравшие, соответственно, главную роль и роль Армана) были перечислены в программе как сопереводчики Шпета (см.: Ситковецкая 1993: 55).

56 В 1927 году Шпет безуспешно пытался побудить Вяч. Полонского опубликовать подборку поэзии Льва Горнунга в «Новом мире» (см.: Горнунг Л. 1992: 178).

57 В примечаниях к письмам Станиславского неверно утверждается, будто эта рукопись была первой частью «Работы актера над собой», опубликованной на русском в 1938 году, вскоре после смерти Станиславского. Русская версия была переработана самим Станиславским и отличалась от американской; Шпет не играл в этих переработках уже никакой роли, поскольку находился тогда в ссылке.

58 Четвертый тираж первой русской версии, полностью раскупленный всего за три дня января 1934 года, сделал Станиславского третьим — первым был Пушкин — по популярности автором среди читателей в Советском Союзе (Станиславский 1961: 381, 569.)

ЛИТЕРАТУРА

Ахматова 1968 — *Ахматова А.* Мандельштам // Ахматова А. Сочинения / Под ред. Г.П. Струве, Б. А. Филиппова. [New York]: Language Literary Associates, 1968. Т. 2. С. 166—187.

Ахматова 1996 — *Ахматова А.* Записные книжки Анны Ахматовой (1958—1966). М.; Turin: Einaudi, 1996.

Байрон 1933 — *Байрон Дж.Г.* Мистерии / Пер. Г.Г. Шпета, введение П. Когана. М.; Л.: Academia, 1933.

Баранова-Шестова 1983 — *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова. Т. 1. Париж: La Presse Libre, 1983.

Беер 1991 — *Беер В.* Листки из далеких воспоминании // Воспоминания об Анне Ахматовой / В.Я. Виленкин и В.А. Черных (ред.). М.: Советский писатель, 1991. С. 28—32.

Белый 1933 — *Белый А.* Начало века. М.; Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1933.

Белый 1934 — *Белый А.* Между двух революций. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1934.

Белый 1969 — *Белый А.* Воспоминания о А.А. Блоке. München: Wilhelm Fink, 1969.

Белый 1992 — *Белый А.* Из воспоминании о русских философах / Под ред. Дж. Малмстада // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 9. 1992. С. 326—351.

Бёрд 1999 — *Бёрд Р.* Вячеслав Иванов и советская власть (1919—1929) // Новое литературное обозрение. 1999. № 40. С. 305—331.

Воробьева 2000 — *Воробьева М.* Неизвестный «Гиперборей» // Библиофил. 2000. № 3. С. 177—183.

Гершензон 1992 — *Гершензон М.О.* Письма к Льву Шестову (1920—1925) // Минувшее: Исторический альманах. 1992. Вып. 6. С. 237—312.

Горнунг Б. 1990a — *Горнунг Б.В.* Из воспоминании о Мих. Ал. Кузмине // Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига: Зинатне, 1990. С. 172—186.

Горнунг Б. 1990b — *Горнунг Б.В.* О журнале «Гермес» // Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения, Рига: Зинатне, 1990. С. 186—189.

Горнунг Б. 2001 — *Горнунг Б.В.* Поход времени. Т. 2. Статьи и эссе. М.: РГГУ, 2001.

Горнунг Л. 1989a — *Горнунг Л.В.* Встреча за встречей // Литературное обозрение. 1989. № 6. С. 67—77.

Горнунг Л. 1989b — *Горнунг Л.В.* Из хроники одной дружбы // Наше наследие. 1989. № 2. С. 92.

Горнунг Л. 1992 — *Горнунг Л.В.* Мои воспоминания о профессоре Густаве Густавовиче Шпете / Ком. К.М. Поливанова // Шестые Тыняновские чтения. Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига.; М., 1992. С. 172—185.

Дроздков 2003 — *Дроздков В.А.* Шершеневич и Есенин: биографические и творческие параллели в контексте споров о содержании имажинистской поэзии // Русский имажинизм. История. Теория. Практика / Ред. В.А. Дроздков и др. М.: Линор, 2003. С. 139—168.

Есаков 2000 — Академия Наук в решениях Политбюро ЦК РКП (б)-ВКПб), 1922—1952. Москва: РОССПЭН, 2000.

Есенин, Мариенгоф, Шершеневич 1921 — *Есенин С., Мариенгоф А., Шершеневич В.* Письмо в редакцию журнала «Печать и революция» // Печать и революция. 1921. № 2. С. 248—249.

Есенин 1999 — *Есенин С.* Полное собрание сочинений / Под ред. Ю.Л. Прокушева. М.: Наука — Голос. Т. 7 (1). М., 1999.

Есенин 2000 — *Есенин С.* Полное собрание сочинений / Под ред. Ю.Л. Прокушева. М.: Наука — Голос. Т. 7 (2). М., 2000.

Есенин 2002 — *Есенин С.* Полное собрание сочинений / Под ред. Ю.Л. Прокушева. М.: Наука. Т. 7 (3), 2002.

Зубарев 1999 — *Зубарев Д.И.* Юргис Балтрушайтис — сотрудник репертуарной и историко-театральной секции ТЕО Наркомпроса // К 125-летию со дня рождения Юргиса Балтрушайтиса. К 80-летию литовской дипломатии / Под ред. Ю. Будрайтиса и Н.В. Котрелева. М.: Наследие, 1999. С. 65—73.

Кантор 2006 — *Кантор В.К.* Густав Шпет как историк русской философии // Т.Г. Щедрина и др. (ред.), Густав Шпет и современная философия гуманитарного знания. М.: Языки славянских культур, 2006. С. 269—301.

Кертис 2004 — *Кертис Дж.* Борис Эйхенбаум: его семья, страна и русская литература. СПб.: Академический проект, 2004.

Клюев 1998 — *Клюев Б.Г.* Семейная библиотека Горнунгов // Книга: Исследования и материалы. Т. 75. 1998. С. 265—274.

Коган 1926 — *Коган П.С.* Красная армия в нашей литературе. М.: Военный вестник, 1926.

Кондюрина 2001 — Переписка В.И. Иванова и О. А. Шор / А.А. Кондюрина и др. (Ред.) // Archivio Italo-Russo. V. 3. 2001. P. 151—455.

Кузмин 1998 — *Кузмин М.* Дневник 1934 года / Подгот. текста и примеч. Г. Морева. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 1998.

Куняев С., Куняев Ст. 2002 — *Куняев С., Куняев Ст.* Жизнь Есенина. М.: Центрполиграф, 2002.

Лавров, Малмстад 1998 — Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка / А.В. Лавров, Дж. Малмстад (ред.) СПб.: Atheneum; Феникс, 1998.

Левинтон, Устинов 1990a — *Левинтон Г.А., Устинов А.Б.* Указатель содержания журнала «Гермес» // Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига: Зинатне, 1990. С. 189—197.

Левинтон, Устинов 1990b — *Левинтон Г.А., Устинов А.Б.* К истории машинописных изданий 1920-х годов // Пятые Тыняновские чтения: Тезисы докладов и материалы для обсуждения. Рига: Зинатне, 1990. С. 197—210.

Луначарский 1921 — *Луначарский А.В.* Свобода книги и революция // Печать и революция. 1921. № 1. С. 3—9.

Луначарский 1964 — *Луначарский А.В.* Наши задачи в области художественной литературы. Стенограмма доклада на издательском активе ЗиФа // Луначарский А.В. Собрание сочинений: В 8 т. М.: Художественная литература, 1964. Т. 2. С. 426—439.

Лыкова, Северцева 1993 — *Лыкова Т.А., Северцева О.В.* Переписка А.Г. Габричевского и М.А. Кузмина. К истории создания юбилейного собрания сочинений И.В. Гёте // Литературное обозрение. 1993. № 11—12. С. 58—75.

Максимова 2000 — *Максимова Т.Г.* Из воспоминаний // Густав Густавович Шпет. Архивные материалы. Воспоминания. Статьи / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: Смысл, 2000. С. 157—169.

Марков 1976 — *Марков П.А.* В Художественном Театре. Книга завлита. М.: Всероссийское театральное общество, 1976.

Марцинковская 2000 — Густав Густавович Шпет. Архивные материалы. Воспоминания. Статьи / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: Смысл, 2000.

Милашевский 1989 — *Милашевский В.А.* Вчера, позавчера. Воспоминания художника. 2-е изд., испр. и доп. М.: Книга, 1989.

Митюшин 1992 — *Митюшин А.А.* Библиография печатных трудов Г.Г. Шпета // Начала. 1992. № 1. С. 89—92.

Мясников 2002 — *Мясников В.С.* Густав Шпет: труды и годы // Шпет Г.Г. История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Материалы. М.: Памятники исторической мысли, 2002. С. 5—32.

Николаев 2004 — *Николаев Н.И.* М. М. Бахтин, Невельская школа философии и культурная история 1920-х годов // Бахтинский сборник. Вып. V. 2004. С. 210—280.

Обатнин 2002 — *Обатнин Г.В.* Материалы к описанию библиотеки Вячеслава Иванова // Europa Orientalis. 2002. Vol. 21. № 2. P. 261—343.

Окутюрье 2004 — *Окутюрье М.* Поэт и философия (Борис Пастернак) // Литературоведение как литература. Сборник в честь С.Г. Бочарова / Под ред. И.Л. Поповой. М.: Языки славянской культуры; Прогресс-Традиция, 2004. С. 255—273.

Острой 1969 — *Острой О.С.* Издательство «Academia» // Книга: Исследования и материалы. 1969. Вып. 18. С. 155—174.

Панченко 1984 — Из переписки Ю. Тынянова и В. Эйхенбаума с В. Шкловским / Под ред. О. Панченко // Вопросы литературы. 1984. № 12. С. 185—218.

Петрицкий 1991 — *Петрицкий В.А.* К творческой биографии Г.Г. Шпета (по материалам экземпляра «Введения в этническую психологию» с инскриптом философа) // Шпетовские чтения в Томске в 1991 г. / Под ред. О.Г. Мазаевой. Томск: Издательство Томского университета, 1991. С. 21—26.

Поливанов К. 1992 — *Поливанов К.М.* Из истории литературной жизни 1920-х гг.: по поводу одной рецензии // Н. Гумилев и русский Парнас / Под ред. И.Г. Кравцовой и М.Д. Эльзона. СПб.: Музей Анны Ахматовой, 1992. С. 133—136.

Поливанов К. 1993 — *Поливанов К.М.* Машинописные альманахи «Гиперборей» и «Мнемозина». Указатель содержания // De Visu. 1993. № 6. С. 46—49.

Поливанов М. 1992 — *Поливанов М.К.* Очерк биографии Г.Г. Шпета // Лица. Биографический альманах. 1992. Вып. 1. С. 7—43.

Поливанов М. 1995 — *Поливанов М.К.* Жизнь и труды Г.Г. Шпета // Шпет в Сибири / Н.В. Серебренников и др. Томск, 1995. С. 5—15.

Полякова 1979 — *Полякова С.* Поэзия Софии Парнок // Парнок С. Собрание стихотворений / Под ред. С. Поляковой. Ann Arbor: Ardis, 1979. С. 7—106.

Ремизов 1927 — *Ремизов А.* Взвихренная Русь. Paris: Tair, 1927.

Ройзман 1973 — *Ройзман М.Д.* Все, что помню о Есенине. М.: Советская Россия, 1973.

Савченко 2003 — *Савченко Т.К.* Сергей Есенин и Александр Кусиков // Русский имажинизм. История. Теория. Практика / Ред. В.А. Дроздков и др. М.: Линор, 2003. С. 202—213.

Северцева 2000 — *Северцева О.С.* Г.Г. Шпет: фрагменты биографии // Густав Густавович Шпет. Архивные материалы. Воспоминания. Статьи / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: Смысл, 2000. С. 170—182.

Серебренников 1995 — Шпет в Сибири: Ссылка и гибель / Серебренников Н.В. и др. (ред.). Томск: Водолей, 1995.

Ситковецкая 1993 — Мейерхольд репетирует: В 2 т. / Под ред. М.М. Ситковецкой. Т. 2. М.: Артист. Режиссер. Театр (АРТ), 1993.

Станиславский 1961 — *Станиславский К.С.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 8. Письма 1918—1938. М.: Искусство, 1961.

Стрекопытов 1996 — *Стрекопытов С.П.* Из истории Государственной академии художественных наук // Декоративное искусство. 1996. № 2—4. С. 19—25.

Таиров 1970 — *Таиров А.* Записки режиссера. Статьи, беседы, речи, письма. М.: Всероссийское театральное общество, 1970.

Тимофеев 1993 — *Тимофеев А.Г.* Еще раз о вечере М. Кузьмина в студии «Синяя птица» (1924) // Новое литературное обозрение. 1993. № 3. С. 158—160.

Тоддес, Чудакова 1981 — *Тоддес Е., Чудакова М.* Первый русский перевод «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра и деятельность Московского лингвистического кружка (Материалы к изучению бытования научной книги в 1920-е годы) // Федоровские чтения. 1978. М.: Наука, 1981. С. 229—249.

Трабский 1982 — Советский театр. Документы и материалы. 1917—1967. Русский советский театр. 1926—1932 / А.Я. Трабский (ред.). Часть первая. Л.: Искусство, 1982.

Устинов 2002 — *Устинов А.* Две жизни Николая Бернера // Лица. Биографический альманах. 2002. Вып. 9. С. 5—64.

Федорова 2002 — *Федорова Л.В.* От публикатора // Новое литературное обозрение. 2002. № 53. С. 46—47.

Хан 1997 — *Хан А.* Поэтика и философия: Борис Пастернак и Густав Шпет (Введение к теме) // Studia Slavica Hungarica. 1997. Vol. 42. P. 301—316.

Хан 1999 — *Хан А.* Борис Пастернак и Густав Шпет. Опыт сопоставительной характеристики // Wiener Slawistischer Almanach. 1999. Bd. 43. S. 27—67.

Хан 2003 — *Хан А.* Борис Пастернак и Густав Шпет: лингвофилософский аспект сопоставления // Творческое наследие Густава Густавовича Шпета в контексте философских проблем формирования историко-культурного сознания (междисциплинарный аспект). G.G. Shpet / Comprehensio. Четвертые Шпетовские чтения / Под ред. О. Мазаевой. Томск: Издательство Томского университета, 2003. С. 340—369.

Чичерин 1985 — *Чичерин А.В.* Сила поэтического слова. Статьи, воспоминания. М.: Советский писатель, 1985.

Чубаров И.М. 2005 — ГАХН. Словарь художественных терминов. 1923—1929 гг. / Под. ред. И.М. Чубарова. М.: Logos-Al'tera; Ecce Homo, 2005.

Шапир 1994 — *Шапир М.И.* М.М. Кенигсберг и его феноменология стиха // Russian Linguistics. 1994. Vol. 18. № 1. P. 73—113.

Шершеневич 1997 — *Шершеневич В.Г.* Листы имажиниста. Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1997.

Шпет 1982 — *Шпет Г.Г.* Литература // Труды по знаковым системам. 1982. Вып. 15. С. 150—158.

Шпет 1989 — *Шпет Г.Г.* Сочинения. М.: Правда, 1989.

Шпет 1991 — *Шпет Г.Г.* Дифференциация постановки театрального представления // Современная драматургия. 1991. № 5. С. 202—204.

Шпет 1994 — *Шпет Г.Г.* Мудрость или разум? // Шпет Г.Г. Философские этюды. М.: Прогресс, 1994. С. 222—336.

Шпет 2000 — *Шпет Г.Г.* Театр как искусство // Густав Густавович Шпет. Архивные материалы. Воспоминания. Статьи / Под ред. Т.Д. Марцинковской. М.: Смысл, 2000. С. 111—134.

Шпет 2002 — *Шпет Г.Г.* История как проблема логики. Критические и методологические исследования. Материалы. В двух частях / Под ред. В.С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2002.

Шпет 2003 — *Шпет Г.Г.* <Письмо Сталину> // Творческое наследие Густава Густавовича Шпета в контексте философских проблем формирования историко-

культурного сознания (междисциплинарный аспект). Г.Г. Шпет / Comprehensio. Четвертые Шпетовские чтения / Под ред. О. Мазаевой. Томск: Издательство Томского университета, 2003. С. 586–592.

Щедрина 2004 – *Щедрина Т.Г.* «Я пишу как эхо другого...» Очерки интеллектуальной биографии Густава Шпета. М.: Прогресс–Традиция, 2004.

Щедрина 2005 – Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие / Т.Г. Щедрина (ред.). М.: РОССПЭН, 2005.

Юниверг 1992 – Из литературного наследия В. Милашевского / Подгот. текста Л. Юниверга // Russian Philology and History. In Honour of Professor Victor Levin. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 1992. P. 39–58.

Юрьев, Шумихин 1990 – Мой век, мои друзья и подруги. Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова / К.С. Юрьев, С.В. Шумихин (Ред.). М.: Московский рабочий, 1990.

Юфит 1968 – Советский театр. Документы и материалы. 1917–1967: Русский советский театр. 1917–1921 / Под ред. А.З. Юфита. Л.: Искусство, 1968.

Bowlt 1997 – *Bowlt John E.* RAKhN on Trial: The Purge of Gustav Shpet // Experiment / Эксперимент. A Journal of Russian Culture. 1997. Vol. 3. P. 295–305.

Fleishman 1996 – Boris Pasternaks Lehrjahre. Неопубликованные философские конспекты и заметки Бориса Пастернака / Fleishman L. et al. (Ed.) T. 1. 1996. (Stanford Slavic Studies, 11:1).

Gut 1997 – Andrej Belyj. Symbolismus, Anthroposophie. Ein Weg / Gut T. (Hg.). Dornach: Rudolf Steiner Verlag, 1997.

Mikhailov 1997 – *Mikhailov B.* Coming of Age: Art History as a Professional Discipline in the 1910s–1920s // Experiment / Эксперимент. A Journal of Russian Culture. 1997. Vol. 3. P. 7–13.

Misler 1997 – *Misler N.* A Citadel of Idealism: RAKhN as a Soviet Anomaly // Experiment / Эксперимент. A Journal of Russian Culture. 1997. Vol. 3. P. 14–30.

Mitiushin 1989/90 – *Mitiushin A.A.* Commentary // Soviet Studies in Philosophy. 1989/90. Vol. 28. № 3. P. 89–91.

Reeder 1995 – *Reeder R.* Anna Akhmatova, Poet and Prophet. London: Allison and Busby, 1995.

Schmid 1996 – *Schmid H.* Gustav Špets Theatertheorie im Kontext der historischen Avantgarde der Künste // Balagan. 1996. Bd. 2. № 1. S. 88–116.

Smith 2000 – *Smith G.S.* D.S. Mirsky. A Russian-English Life, 1890–1939. Oxford: Oxford University Press, 2000.

Strekopytov 1997 – *Strekopytov S.P.* RAKhN as a State Research Institution // Experiment / Эксперимент. A Journal of Russian Culture. 1997. Vol. 3. P. 50–60.

Tihanov (forthcoming) – *Tihanov G.* Gustav Shpet's Literary and Theatre Affiliations // Gustav Shpet's Contribution to Philosophy and Cultural Theory / Ed. by Galin Tihanov. West Lafayette: Purdue University Press.

Toman 1995 – *Toman J.* The Magic of a Common Language. Jakobson, Mathesius, Trubetzkoy, and the Prague Linguistic Circle. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1995.